

Alexandre Tchoudinov

LA RÉVOLUTION FRANÇAISE

Histoire et mythes

MOSCOU NAOUKA 2007

А.В. Чудинов

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

История и мифы

МОСКВА НАУКА 2007

Каждый пишет собственную всемирную историю. Если бы кому-то пришло в голову сопоставить несколько исторических трактатов, принадлежащих разным авторам, то несчастный зашел бы в полный тупик из-за того, что история, по сути, не ведает ни реальности, ни достоверности. Прошлое — личное ли, общественное ли — не что иное, как непролазные джунгли. Взавшись его описывать, рискуешь заплутать в потемках.

Г. Миллер

М ю л л е р: Верить нельзя никому. Даже себе.

К/ф "Семнадцать мгновений весны"

— Ужасно, правда, не доверять никому?

— О нет, Андзин-сан, извините, — не согласилась она. — Это только одно из самых важных жизненных правил — ни больше, ни меньше.

Дж. Клавел "Сёгун"

Всё началось довольно неожиданно. В один из сентябрьских дней 1981 г. мне позвонили. Снимая трубку, я и подумать не мог, что через миг получу предложение, которое на годы определит мою судьбу в науке. Но вышло именно так. Профессор Геннадий Семенович Кучеренко, мой научный руководитель, мягко заинтересовался у своего студента, не хочет ли тот специализироваться на истории Французской революции XVIII века (тогда ее еще называли "Великой"). Я согласился, хотя и не без внутреннего трепета.

Как раз накануне — уж не знак ли судьбы? — я прочел вышедшее двумя годами ранее новейшее издание знаменитого труда П.А. Кропоткина о Французской революции¹. Парадоксально, но наибольшее впечатление на меня произвел не сам текст книги, а комментарий к нему, написанный современными историками А.В. Гордоном и Е.В. Старостиным. Едва ли не к каждому из упомянутых П.А. Кропоткиным важнейших событий и явлений Революции они дали примечание, где указали работы других авторов, посвященные данному сюжету. И хотя перечисленные таким образом названия составляли — это я узнал позднее — лишь малую толику существующих в мире исследований о Французской революции, их количество меня поразило даже больше, чем та лавина фактов, имен и дат, которую обрушивает на читателя сам Кропоткин. Если тема Революции уже столь подробно изучена, как же трудно, наверное, сказать о ней что-либо новое, найти нечто, никому не известное? Именно этим опасением и был вызван тот душевный трепет, который я испытал, соглашаясь на предложение Учителя.

¹ Кропоткин П.А. Великая французская революция, 1789 — 1793. М., 1979.

Впрочем, мне повезло: первый персонаж моих студенческих, а затем кандидатских штудий — шотландский мыслитель Джеймс Макинтош, прославившийся в 90-е годы XVIII в. своей пламенной защитой Французской революции, ранее еще не был объектом чьего-либо специального исследования. Соответственно, проблема для меня состояла не в том, чтобы не повторить кого-либо из предшественников, благо таковых и не было, а в том, чтобы придать историографическому разделу диссертации мало-мальски приличный объем, для чего пришлось тщательно собирать даже самые краткие упоминания о Макинтоше в работах общего характера.

Однако, говоря о Макинтоше, нельзя было не сказать и о его главным оппоненте — Эдмунде Бёрке, самом крупном в то время критике Французской революции. С ним же дело обстояло совершенно иначе: в мировой историографии существуют десятки монографий о Бёрке, не говоря уже о статьях. Впрочем, работая над курсовыми и дипломной работами, я наивно полагал, что наличие столь обильной "бёркианы" едва ли способно существенно осложнить мою задачу. Напротив, если об этом мыслителе сказано так много, то, стало быть, его творчество изучено уже самым доскональным образом, все спорные моменты прояснены, а потому мне нет необходимости штудировать его многотомные труды и еще более обширную литературу о нем. В конце концов, говорил я себе, изучаю я Макинтоша, а не Бёрка, а потому вполне могу ограничиться при характеристике последнего воспроизведением наиболее распространенных в отечественной историографии оценок. Так при написании дипломной работы я и поступил. Когда же исследование вышло на более высокий, кандидатский, уровень и я все-таки принялся читать Бёрка, то испытал немалое удивление от того, сколь односторонней и ограниченной была доминировавшая в советской историографии характеристика его творчества. Да и при знакомстве с зарубежной литературой о Бёрке мне также не раз приходилось наткнуться на безапелляционные, чаще всего идеологически окрашенные суждения, которые не выдерживали проверки источниками.

Отсюда я вынес для себя следующие уроки. Во-первых, обилие трудов по той или иной теме еще не говорит о том, что она достаточно изучена. Во-вторых, если даже какое-либо положение и выглядит общепризнанным, это еще не значит, что оно верно. Более того, подобная "общепризнанность" сама по себе является ловушкой. Ведь чем больше людей повторяет то или иное суждение, тем труднее усомниться в его истинности, особенно, если в числе его сторонников оказываются уважаемые профессионалы. И даже если такое суждение изначально было ошибочным, но это, по той или иной причине, сразу не установили, то со временем авторитет традиции превращает его в "прописную истину", расхожий стереотип, поставить который под сомнение уже и в голову никому не приходит.

С несколькими такими стереотипами мне пришлось столкнуться самым непосредственным образом, когда в сферу моих научных интересов попал Уильям Годвин, еще один английский мыслитель, участвовавший на исходе XVIII столетия в дискуссии о Французской революции. Оказалось, что многие из писавших о нем авторов — а число трудов о Годвине не сильно уступает "бёркиане" — трактовали его как "сторонника мирных реформ", "анархизма" и "коммунизма", хотя и не обосновывали эти кочующие из работы в работу определения сколько-нибудь развернутой аргументацией. Я попытался понять, насколько подобные характеристики соответствуют содержанию трудов самого мыслителя. Результат, после опыта с Бёрком, уже не удивил: ни одно из этих определений не подтверждалось источниками².

Далее "поезд пошел со всеми остановками". Какой бы из аспектов Французской революции мне ни приходилось исследовать, я уже знал, что критический анализ едва ли не любого из освященных традицией историографических стереотипов способен принести самые неожиданные результаты и если не полностью опровергнуть очередную "прописную истину", то, во всяком случае, существенно ее скорректировать, пролив новый свет на, казалось бы, давно всем известные вещи, причем как относительно самих событий и их участников, так и относительно последующих работ историков об этих событиях. Постепенно поиск и анализ историографических мифов стали одним из основных направлений моих исследований. И здесь некогда смущавший меня почти безграничный объем научной литературы о Французской революции обернулся немалым преимуществом. Бродя уже четверть века по этому гигантскому лабиринту, я не перестаю встречать все новые и новые историографические фантомы. И думаю, таких "открытий чудных" тут хватит еще не одному поколению историков.

Предлагаемая вниманию читателя книга — результат этих многолетних путешествий по лабиринту историографии Французской революции. Спектр тем, рассматриваемых в отдельных главах, достаточно широк: здесь и общий характер Революции, и биографии отдельных ее участников, и оценка различных историографических направлений. В свою очередь, многообразие сюжетов определяет и разнообразие жанров отдельных глав: читатель найдет здесь и теоретическое эссе, и основанное на архивных материалах исследование, и научно-популярный биографический очерк, и историографический анализ. Объединяет же все эти многообразные и разноплановые этюды одна общая задача — изучение историографических мифов о Французской революции, исследова-

² Подробнее см.: Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996.

ние механизма их формирования и их влияния на развитие научных представлений об этом событии.

Многие положения данной работы уже нашли, в той или иной степени, отражение в ряде моих статей³, однако для настоящего издания ранее опубликованные тексты в большинстве своем были дополнены и переработаны.

Выражаю глубочайшую признательность друзьям и коллегам, чья поддержка и участие оказали мне неоценимую помощь при подготовке книги к печати: Д.Ю. Бовыкину, А.В. Гладышеву, А.В. Гордону, С.В. Кондратьеву, П.Ю. Уварову, З.А. Чеканцевой, П.П. Черкасову. Особо хочу поблагодарить свою супругу Татьяну Николаевну Захарову, сделавшую все возможное для благополучного завершения этой работы.

³ О новом отношении к консервативной историографии: через критику к синтезу // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 99–107; Шарлотта Корде и смерть Марата // Новая и новейшая история (далее – НиНИ). 1993. № 5. С. 245–247; На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // Кутон Ж. Избранные произведения. 1793–1794. М., 1994. С. 5–54; Прощание с эпохой (размышления над книгой В.Г. Ревуненкова) // Вопросы истории (далее – ВИ). 1998. № 7. С. 156–162; Масоны и Французская революция XVIII в.: дискуссия длиной в два столетия // НиНИ. 1999. № 1. С. 45–69; Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник (далее – ФЕ). 2000. М., 2000. С. 5–23; “Русский якобинец” Павел Строганов. Легенда и действительность // НиНИ. 2001. № 4. С. 42–70; Депутаты-предприниматели в Учредительном собрании (1789–1791) // ФЕ. 2001. М., 2001. С. 153–164; “Круглый стол” Французская революция XVIII века и буржуазия (доклад и заключительное слово) // НиНИ. 2002. № 1. С. 80–90, 110–112; La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, “changement de jalons” // Cahiers du monde russe. 2002. N° 2/3. P. 449–462; Французская революция в исторической памяти российской интеллигенции (конец XVIII – начало XX вв.) // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 201–213; “Слух, который нашептала история”: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) // ФЕ. 2004. М., 2004. С. 39–55; “Королевское самодержавие” во Франции: история одного мифа // ФЕ. 2005. М., 2005. С. 259–293.